

СКОЛЬКО НЫНЧЕ САМОСЕЛОВ - никто точно не знает. По спискам, составлявшимся в Иванковском райисполкоме, которому территориально отошла большая часть бывшего Чернобыльского района, - около тысячи. Но часть зоны "приписана" еще и к Полесскому району, часть - вообще территория Беларуси. К тому же, численность колеблется: кого-то все же вывозят родственники, а кто-то вернулся насовсем недавно. Летом же, ближе к осени, количество самоселов почти удваивается: эвакуированные отсюда люди теперь приезжают в родные хаты как на дачи. Не в диковинку уже и дети, проводящие каникулы "у бабушки".

- Радіація? Яка радіація? Ви мені її покажіть. Як побачу, тоді, може, злякаюсь, - хитро щурясь, говорил мне прошлым летом один еще крепкий дед в селе Ильинцы, катая пятилетнюю внучку на велосипеде среди 40-кюриевых цезиевых полей...

В общем, живут люди по принципу "эх, где наша не пропадала". Но это не та бесшабашность и тем более не молодецкая удаль, с которой предки боролись в Полесье за хлеб насущный и отбивались от видимых глазу врагов. Для многих это рок, финиш жизни. Безверие в защиту государства и надежда только на себя. Последняя надежда. Да чтоб еще здоровье не подвело. А какое здоровье на склоне лет у натруженного за долгую крестьянскую жизнь тела?

Ольге Григорьевне Шевченко - 71 год. Живет одна.

- Застудилась я на лесозаготовках, поэтому и деток нет. Сначала при немцах в 42-43 годах в лес гоняли, потом наши пришли - тоже погнали, - говорит она. - Так немец хлеб маслом намажет, позовет: "На, девочка, ешь". Потом, до самой аварии - в коровнике с утра до ночи. И вся моя пенсия теперь - 28 гривень. Недавно так сильно колбаски захотелось - купила. Истратилась, и две недели без хлеба - на картошке - сидела. А корову не держу - сил нет...

Да, большинство самоселов - пенсионеры, люди пожилые, а то и преклонных лет. Видимо, поэтому до сих пор в газетах и журналах главной причиной их возвращения называют неодолимое чувство родины. "Дома, мол, и стены помогают". Так-то оно так. Действительно, старикам труднее, чем молодым, адаптироваться на новом месте, да и чувство родины - оно не выдуманно... Но чем больше встречаешься с самоселами, тем сильнее начинаешь понимать, что первопричина все-таки иная! Нет, не бегут люди оттуда, где им хорошо живется. Скажите, вернулся ли кто-нибудь из миллионов эмигрантов, живущих в США или в Канаде, умирать в родную Украину? Я что-то таких примеров не знаю. Умирают, хотя и с ностальгией по Родине, но на чужбине, где жилось в тепле и сытости и где похоронят по-человечески.

Первопричина иная: там, куда переселили чернобыльских "эмигрантов", жить было нелегко. Ведь душу, тянущуюся к родным истокам, можно все же обмануть - сладкими словами, водкой, наконец, залить. Но постоянно мерзнувшее и голодное тело не обманешь. Это оно, помнящее тепло родной хаты, просилось назад - в зону, в радиацию.

Может быть, я сгущаю краски? Но готов доказать, что все-таки да, а то и девяносто процентов самоселов стали ими, потому что условия жизни там, куда их переселили, были невыносимыми.

Ольгу Григорьевну Шевченко эвакуировали в село Бугаевку Васильковского района Киевской области, подселили в трехкомнатную квартиру, где уже жили две большие семьи. Нужна тем была одинокая старуха? Промаялась Ольга Григорьевна два

Предновогодний морозный день. Искры на солнце припушавший лесную шоссейку снежок. 11 часов утра, а белое покрывало дороги девственно, как при сотворении мира, - ни следов машины, ни следов человека. Лишь кое-где видно, как попетлял по обочине заяц, а тут вот выскочила из леса лиса, да передумала гнаться за косым. И все.

Тишина.

Мы едем в Лубянку. Но это не та печально знаменитая Лубянка в Москве, а другая - почти никому не известная, но не менее печальной судьбы. Как и ее московская тезка, она отгорожена от "большой земли" колючей проволокой, потому что находится в зоне - 30-километровой зоне ЧАЭС. А живущие здесь, в полесском селе Лубянка, оказались в еще худшем положении, чем в тюрьме: они вообще вне закона. Они самоселы. Люди, добровольно сославшие себя в зону. Да, меч закона их не карал, но и щит не защищал, ибо для закона они не существовали. И не существуют. В украинском Законе "О статусе о социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы" о самоселах не сказано ни слова. Нет статуса - нет, значит, и такой социальной группы людей. А "нет человека - нет проблем"?

Но проблемы есть. Потому что люди эти живые. И "заключение" их в зону хотя и добровольное, но вынужденное.

Гуманитарная помощь (изюм) из Греции "самоселам" Чернобыля.

НА РОДНОЙ ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

ДОБРОВОЛЬНЫЕ УЗНИКИ ЛУБЯНКИ

месяца, а когда пьяный сосед на нее руку поднял, подалась назад, в Лубянку. А тут и огород поспел.

- Я еще две тонны картошки в 86-м государству сдала, - похвасталась Ольга Григорьевна.

И приняли! Были и такие заготовители от райпо, которые правдами-неправдами заезжали туда в зону, чтобы подешевле купить у самоселов урожай: знали, что деваться им некуда...

Варвару Григорьевну Микитенко вместе с матерью эвакуировали тоже в Бугаевку. Дали дом, кое-как слепленный из железобетонных плит. Дров почти не было. Да если

бы и были - не держал тепло дом. Старая мать совсем занемогла. Весной фундамент "повело", стены стали разъезжаться. Но прозимовали кое-как еще одну зиму - слава Богу, младший брат привез дрова из Львова - за шестьсот километров! А мать уже почти не вставала с постели и умоляла дочь: "Вернемся обратно!". Уже пошли слухи, что кое-кто из стариков "втихаря" пробрался в зону и ничего - жив. Наконец, тихая и робкая Варвара тоже решилась: "Хуже не будет". Думала, не довезет мать живую, а в родной хате - вот чудо! - та за несколько дней оклемалась, на ноги встала, хозяйство повела... И два года еще прожила, радуясь каждому новому дню.

А Варвару Григорьевну, оставшуюся одну, после страшных лесных пожаров, подбиравшихся в 1992 г. к самой Лубянке, снова эвакуировали.

Сейчас в Лубянке на 500 бывших дворов живет 40 человек. Среди них Иван Васильевич Фещенко. Для него и жены Евдокии Игнатьевны эвакуация длилась вообще два месяца. Помыкались-помыкались по чужим углам в селе Диброва в нескольких километрах от Лубянки, да и вернулись. Снова завели свиней, корову, коня. Живут!

- Не хотите уезжать?

- Куда? В Диброву? Что толку? Остались бы там, а сейчас опять переселяться? Диброва-то еще грязнее Лубянки оказалась. Оттуда уже почти всех людей вывели.

Дважды в неделю приезжает в Лубянку автолавка из Полесского. Привозят хлеб, колбасу, крупы. "С продуктами теперь проблем нет", - сказал мне один из самых молодых самоселов, 39-летний Николай Николаевич Ткаченко. Он сейчас - вроде добровольного старосты. Когда неделю в декабре не было в селе света, несколько раз ходил за 7 километров к телефону - звонить в Чернобыль, звать электриков. Правда, Администрация зоны отчуждения выхлопотала ему радиотелефон, да вот беда: без электричества-то тот не работает!

Если в Лубянке большинство пенсионеры, то в селе Ильинцы живут и молодые семьи.

Как решить проблему самоселов? Есть две полярные - иначе у нас не бывает - точки зрения. Первая: выселить всех немедленно. Силой. Это типичный пример нашего родного "гуманизма с винтовкой в руках". Вторая: пусть живут, раз хотят, но надо создать все условия: магазины, аптеки, газ, кино... А это уже гуманизм наизнанку: жить-то опасно, какое кино ни показывай...

Но есть и третий, более сложный и непривычный для нас, воспитанников коммунистической доктрины, путь: предоставить людям право выбора. Но не просто право, а чтобы было из чего выбирать. Сначала построить хорошие, на совесть, усадьбы со всеми удобствами в разных - скажем, в восьми или десяти селах и городах, потом провезти по ним людей, показать и предложить: выбирайте! Уверен, молодые семьи

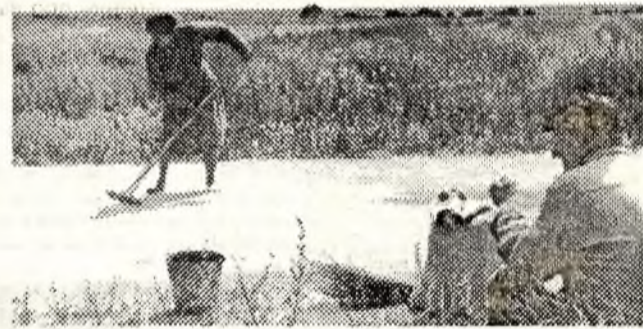
с детьми из Ильинцев выбрались бы сразу. Ольга Григорьевна Шевченко согласилась бы, скорее всего, на однокомнатную квартиру со всеми удобствами. Дольше всех колебались бы, наверное, Фещенко. Но если бы увидели рядом с новым домом большой хозяйственный блок, где можно и свиней держать, и корову доить, и коня поставить - что, не переехали бы?

Конечно, найдутся и те, кто уже никуда не захочет ехать. Кое-кто из упрямства, а кое-кто потому, что слишком стар и чувствует, что уже не хватит сил начать жизнь на новом месте... Тут уж ничего не поделаешь. Но сколько будет таких? Мне кажется, не больше, чем один человек из десяти. Вообще и один человек - много. Но ведь у него был выбор. И он его сделал. Значит, все справедливо.

Проект, безусловно, стоит денег. Но жизнь-то человеческая бесценна. Или это по-прежнему для нас лишь слова?

Десять лет около тысячи человек живут вне закона. Десять лет на радиоактивной земле! И если мы действительно стремимся жить в правовом государстве, то пора, наконец, определить судьбу чернобыльских самоселов. И всю жизнь просить

И выращивают хлеб насущный...

у них прощения за свою долгую бессердечность. За радиоактивную зону, за Лубянку...

Виктор ДЕМЕНЕВ, (наш корр.). Зона отчуждения ЧАЭС.

ОТ РЕДАКЦИИ: О чернобылянах, добровольно ставших заложниками своей и одновременно чужой радиоактивной земли, "Вісник Чернобыля" рассказывает периодически с 1988 года. И тогда, и сейчас количество "возвращенцев" здесь постоянно колеблется в пределах 800 человек. В 1993 году, согласно решению Кабмина Украины, лица, переселившиеся после эвакуации в зону отчуждения, обрели, так сказать, "права гражданства". Сегодня им постоянно доставляется по месту жительства пенсия, товары первой необходимости, оказывается медицинская и другая помощь, по возможности предоставляется жилье, в частности, в Иванковском районе. С пониманием относятся к нуждам "самоселов" в Администрации зоны отчуждения и здешних организациях. Может, потому немало из них вообще не хотят покидать родное гнездо: некоторые живут в своих хатах и работают в зонных предприятиях, у других пробудилось чувство хозяйской свободы, третьи - постарев, уже доживают свой век. Кто помоложе - как меж двух огней - и тут тяжело и там, на "чистой" земле, нелегко...

В большинстве своем они смирились со своей судьбой, многим просто претит плакаться, что называется, по весь голос, а есть и такие, кто ежечасно, посылая себе голову пеллом, требует сегодня практически невозможного. Но всех "самоселов" и каждого в отдельности можно понять, поставив себя на их место. И тогда нам еще ближе будут эти люди, их чаяния и заботы. Выживая в экстремальных условиях, они помогают нам выживать в это нелегкое время.